

ЗАШИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

Т. XXII.

ОДЕССА.

„Экономическая“ типографія и литографія, Почтовая, № 43.

1900.

В. Попов

НЕКРОЛОГИ.

Памяти Вице-Президента **ИМПЕРАТОРСКАГО** Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Владислава Норбертовича Юргевича.

(† 23 Ноября 1898 года).

23 ноября 1898 года, въ 10 часовъ вечера, скончался вице-президентъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, заслуженный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго Университета Владиславъ Норбертовичъ Юргевичъ. 26 ноября состоялось его погребеніе на Новомъ кладбищѣ. Проводить его собрались въ большомъ числѣ члены Общества, профессора университета съ ректоромъ во главѣ, студенты и знакомые. Во время слѣдовація погребальной процессіи, по среди улицы, предъ зданіемъ Университета была произнесена рѣчь однимъ изъ старѣйшихъ членовъ Общества, заслуженнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго Университета А. А. Кочубинскимъ; вторая рѣчь была сказана членомъ совѣта Общества, деканомъ Историко-филологическаго факультета А. П. Деревницкимъ во дворѣ католической церкви послѣ отпѣванья.

18 декабря 1898 года въ музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей состоялось засѣданіе Общества, посвященное памяти скончавшагося вице-президента. Послѣ соборной панихиды по православному обряду была произнесена предсѣдательствовавшимъ въ засѣданіи профессоромъ Э. Р. фонъ-Штерномъ рѣчь, посвященная обзору ученой дѣятельности покойнаго вице-президента В. П. Юргевича и затѣмъ прочитаны телеграммы, отношенія и письма съ выраженіемъ Обществу соболѣзнованія по случаю утраты.

Общее собраніе постановило напечатать всѣ рѣчи и выраженныя сочувствія въ формѣ особой брошюры съ приложеніемъ портрета своего бывшаго вице-президента, сорокъ лѣтъ неустанно работавшаго на пользу Общества.

У гроба, предъ Университетомъ.

Рѣчь заслуженнаго профессора А. А. Кочубинскаго.

Не умре, но — успе... Догорѣлъ и угасъ свѣтильникъ скромнаго, но никогда не прерывавшагося дѣйствія, горѣвшій ровно и спокойно на обширномъ протяженіи лѣтъ.

Сегодня—ровно 80 лѣтъ, какъ въ день 26 ноября 1818 года, въ стѣнахъ Виленскаго Университета, явился на свѣтъ усопшій нашъ дорогой собратъ, старѣйшина нашей корпораціи¹⁾. Онъ достигъ, такимъ образомъ, уже почти крайняго предѣла дѣйствительнаго человѣческаго бытія, предѣла годности нашего сосуда скудельнича.

Университетъ былъ воспріемникомъ его въ жизнь: Университетъ-же слѣдуетъ за нимъ по его послѣднему земному пути...

Правда, не одинъ разъ казалось, что этотъ свѣтильникъ меркнетъ и вотъ-вотъ угаснетъ... Но его сильная, чисто литовская, натура перевозмогала тяжелыя условія, и онъ сохранялся на старое дѣло.

Да, усопшій собратъ нашъ былъ пришлецъ среди насъ: судьбою онъ былъ, уже на половинѣ своего жизненнаго пути, занесенъ къ намъ съ далекаго сѣвера, изъ поэтической родины Мицкевича.

Изъ Вильны очутившись въ ничтожномъ тогда городкѣ Ковнѣ, онъ, безъ средствъ, среди неблагоприятныхъ условій личной жизни, только благодаря своей личной энергіи въ достиженіи намѣченной цѣли—*учиться*, уже взрослымъ юношей, въ половинѣ 30-хъ годовъ, студентъ стараго Педагогическаго Института, съ такою честью послужившаго интересамъ отечественнаго просвѣщенія.

Свидѣтель послѣднихъ лѣтъ дѣятельности Пушкина и первыхъ — гр. Уварова, бѣдный студентъ Института избираетъ для себя словесное отдѣленіе и посвящаетъ себя изученію классической филологіи. Не легка была

¹⁾ Отецъ его, Норбертъ Юргевичъ, былъ секретаремъ Совѣта бывшаго Импер. Виленскаго Университета. Въ Гл. Моск. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ (по печатанію гр. Румянцевымъ изв. собранія грамотъ) мнѣ случилось какъ-то встрѣтить бумаги изъ того Университета, за подписью Норберта Юргевича: рука сына буквально воспроизводила руку отца—до того оба почерка похожи.

жизнь въ Институтѣ: онъ былъ студентъ въ своихъ средствахъ, а въ тоже время долженъ былъ, какъ припоминалъ бывало съ горечью покойный, удовлетворять еще требованію ежегодныхъ *сбереженій*... Блестяще окончивъ курсъ, нашъ классикъ былъ отправленъ въ Германію, чтобы, по возвращеніи оттуда въ 1845 году, стать преподавателемъ Харьковскаго Университета по избранной имъ на студенческой скамьѣ специальности.

Въ старомъ Харьковѣ, не скудномъ тогда людьми съ именемъ и высшихъ интересахъ, молодой классикъ встрѣтилъ радужный вѣкъ. Съ добрымъ чувствомъ онъ вспоминалъ всегда стараго ректора, Гулака Артемовскаго, Метлинскаго; но естественно, особенно близки были ему встрѣтившіеся въ Университетѣ земляки: романецъ Александръ Мицкевичъ — братъ поэта, докторъ Валицкій и др. Здѣсь же онъ устроилъ и свою личную жизнь.

Въ поразительной своей силою памяти усопшаго хранилась масса самыхъ разнообразныхъ воспоминаній изъ Харьковскаго періода его жизни, живо воскресавшихъ предъ нами старый бытъ провинціального университета. Припомню одно, какъ онъ не одинъ разъ обязанъ былъ, по чувству товарищества, помогать медикамъ въ печатаніи ихъ латинскихъ диссертаций, цѣлкомъ переводя ихъ на латинскій языкъ. Правда, латинскій языкъ ему, ученику старой пѣвецкой школы, былъ знакомъ практически, почти какъ отечественный. Но сколько труда онъ долженъ былъ употреблять, чтобы придумать слово, чтобы облечь въ классическую форму неуклюжее изслѣдованіе по какой нибудь современной болѣзни.

Въ 1858 году онъ Университетъ мѣняетъ на Лицей, Харьковъ на Одессу, и это, когда лучшая часть жизни уже *тамъ*.

Предъ нимъ открылась новая среда и новыя условія, и онъ, уже опытный профессоръ, явился въ эту новую среду не съ гордою мыслью о своемъ призваніи, а съ скромною задачею — не только учителя, чтобы учить, но и *ученика* — чтобы учиться. Онъ сталъ сейчасъ-же въ ряду членовъ этой новой среды ея простымъ, рядовымъ, но усерднымъ, рабочимъ.

Не забудемъ, что эта новая среда была *стара* своими литературными и научными, примѣнительно къ мѣсту, интересами. Въ ней врацались еще въ 20 и 30 годахъ избранные русскіе умы: напомнимъ Пушкина, Надеждина. Въ ней давно существовало и энергически вело дѣло старѣйшее, послѣ Москвы, историческое Общество въ Россіи — Одесское Общество Исторіи и Древностей. Да и самый Лицей насчитывалъ уже не одно десятилѣтіе своей полезной научно-педагогической дѣятельности.

Естественно, если токъ мѣстной науки давали интересы мѣстной исторіи и, въ частности, классической *Археологіи*, и встрѣтившись съ этими новыми условіями дѣятельности, старый классикъ-педагогъ становится горячимъ адептомъ Археологіи, особенно эпохи классическаго міра. Предъ нимъ вскрылись новые интересы отечественной науки, и онъ всецѣло охватывается ими, поглощается ими.

Вошедши сейчас-же въ число членовъ нашего историко-археологическаго Общества, онъ путешествуетъ по Югу, открываетъ и изслѣдуетъ предметы древности, сначала средневѣковой, потомъ классической эпохи.

Переходя постепенно званія товарища секретаря, секретаря, наконецъ, вице-президента (съ 1883 года) Общества, онъ всю свою энергію посвящаетъ его интересамъ, и, выдѣливъ для своей ученой пытливости, особенно трудную и важную для науки область—*лапидарныя* надписи и *монеты* стараго Юга, онъ такъ сказать, вживается въ нихъ, и мы непрерывно видимъ его—то горячимъ защитникомъ ихъ непорочности, то столь-же страстнымъ обличителемъ ихъ, какъ своекорыстнаго фальсификата. Увлеченіе его своими надписями было увлеченіе юности. Въ памяти многихъ изъ насъ свѣжо сохранился тотъ несчастный случай, когда онъ, послѣ напряженной, въ—плоть до сумерокъ, работы надъ дешифровкой неподдававшихся надписей, на пути изъ Музея домой, отъ изнеможенія упалъ на тротуаръ и отвезенъ полицейскимъ, да еще какъ невѣдомый обыватель...

Примѣрный рабочій, онъ до гробовой доски оставался неукоснительно вѣрнымъ своему призванію — рабочаго науки, идеалу своей далекой и тяжелой юности. Съ своими амфорными надписями онъ и отошелъ отъ насъ.

Прости-же, старый, завидный орудователь на нивѣ отечественной науки! Прости, горячій, но всегда любезный, ободряющій соратникъ! Прости, старый сослуживецъ! Прости, старѣйшій профессоръ и нашего Юга, и нашей Имперіи, за исключеніемъ одного—твоего товарища, послѣдняго студента твоего Института!...

